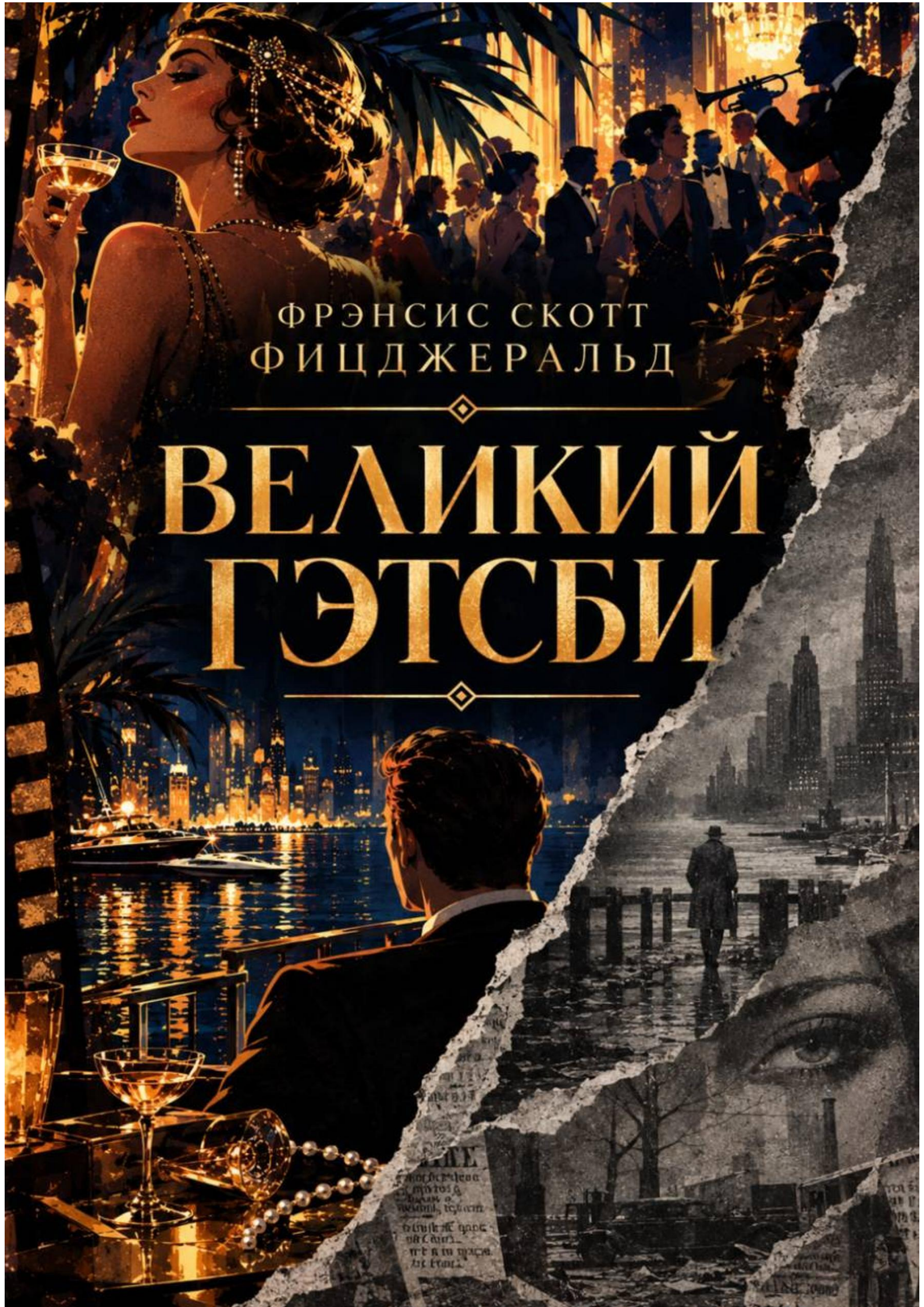

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

THE
GREAT
GATSBY
by F. Scott Fitzgerald

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Великий Гэтсби

«Автор»

2026

Фицджеральд Ф.

Великий Гэтсби / Ф. Фицджеральд — «Автор», 2026

Блистательный шедевр Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, ставший главным мировым романом о великой иллюзии, верности своей мечте и цене грандиозного успеха. В центре этой пронзительной истории — загадочный миллионер Джей Гэтсби, человек с феноменальной силой воли и нестигаемым стержнем. Ради любви к женщине из высшего общества он совершает подлинное чудо саморазвития, поднявшись с самых низов до вершин богатства и роскоши. Устраивая ослепительные праздники в своем поместье, Гэтсби превращает собственную жизнь в безупречный фасад, за которым скрывается ранимая и преданная душа романтика. Эта книга — глубокое исследование человеческой целеустремленности и природы ослепляющей страсти. Роман поражает тем, как титаническая вера в мечту способна подчинить себе время, обстоятельства и переписать сценарий судьбы.

© Фицджеральд Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	15
III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби

I

И снова Зельде

Так надень золотую шляпу, если она способна её растрогать;

Если умеешь взлетать высоко, взлети и ради неё,

Пока она не вскрикнет: «Любимый в золотой шляпе, любимый, что взлетает так высоко,
Ты нужен мне!»

Томас Парк д'Энвиле

В те годы, когда я был моложе и уязвимее, отец дал мне один совет, который я с тех пор всё перебираю в памяти.

— Если тебе захочется кого-нибудь осудить, — сказал он, — вспомни, что не всем на свете достались те преимущества, что достались тебе.

Больше он ничего не прибавил, но мы всегда были необычайно красноречивы в своей сдержанности, и я понял: он имел в виду гораздо больше. Оттого я привык воздерживаться от суждений. Эта привычка открыла мне немало любопытных натур и сделала меня жертвой не одного закоренелого зануды. Ненормальный ум мгновенно чувствует это свойство в нормальном человеке и прилипает к нему. Так получилось, что в колледже меня несправедливо считали политиканом: я был посвящён в тайные горести диких, никому не известных людей. Большинство признаний я не выпрашивал. Не раз я притворялся спящим, занятым или напускал на себя враждебную весёлость, едва по безошибочному знаку чувствовал, что на горизонте уже дрожит интимное откровение. Ведь исповеди молодых людей, а по крайней мере слова, в которые они их облачают, обычно списаны у кого-то и изуродованы очевидными умолчаниями. Воздерживаться от суждений — значит бесконечно надеяться. Мне до сих пор немного страшно что-нибудь упустить, если я забуду, что, как снобистски намекнул отец и как снобистски повторяю я, чувство основополагающих приличий отмеряется при рождении неравными порциями.

И вот, похвалившись такой широтой, я должен признать, что у неё есть предел. Поведение может опираться на твёрдую скалу или на сырую трясину, но за известной чертой мне уже всё равно, на чём оно стоит. Когда прошлой осенью я вернулся с Востока, мне хотелось, чтобы мир построился в шеренгу и навсегда замер по стойке «смирно». Я больше не желал шумных вылазок с привилегией заглядывать в человеческое сердце. Только Гэтсби, человек, чьё имя носит эта книга, был избавлен от моей неприязни. Гэтсби воплощал всё, к чему я питаю искреннее презрение. Но если личность есть непрерывная череда удачных жестов, то в нём было что-то ослепительное, какая-то обострённая чуткость к обещаниям жизни, словно он был сродни тем хитроумным приборам, что улавливают землетрясение за десять тысяч миль. Эта отзывчивость не имела ничего общего с дряблой впечатлительностью, которую принято величать «творческим темпераментом». Это был редкий дар надежды, романтическая готовность, какой я не встречал ни в ком другом и, скорее всего, уже не встречу. Нет, Гэтсби в конце концов оказался ни в чём не виноват. Виновно то, что охотилось за Гэтсби, та мерзкая пыль, что клубилась за его мечтами. Она-то и отняла у меня на время интерес к недолгим горестям и одышливым восторгам людей.

Моя семья вот уже три поколения принадлежит к числу видных и состоятельных людей в одном городе Среднего Запада. Мы, Каррауэи, — что-то вроде клана, и по семейному преданию происходим от герцогов Баклю, но настоящим основателем нашей ветви был брат моего

деда. Он приехал сюда в пятьдесят первом, послал вместо себя наёмника на Гражданскую войну и основал оптовую торговлю скобяным товаром, которую и по сей день ведёт мой отец.

Этого двоюродного деда я никогда не видел, но считается, что я на него похож, особенно на жестковатый портрет, висящий в отцовском кабинете. Я окончил Нью-Хейвен в пятнадцатом году, ровно через четверть века после отца, а вскоре принял участие в запоздалом тевтонском переселении, известном как Великая война. Контрнаступление доставило мне такое удовольствие, что я вернулся неприкаянным. Средний Запад больше не казался мне тёплым центром мира, теперь он выглядел рваным краем вселенной. Поэтому я решил податься на Восток и изучить облигационное дело. Все мои знакомые занимались облигациями, и я рассудил, что этот бизнес прокормит ещё одного холостяка. Тётки и дядя обсуждали это так, будто выбирали мне подготовительную школу, и наконец произнесли: «Ну-у, что ж...», с очень серьёзными, нерешительными лицами. Отец согласился содержать меня год, и после разных проволочек я перебрался на Восток, как мне думалось, навсегда, весной двадцать второго.

Разумнее всего было снять комнаты в городе, но стояло тёплое время года, а я только что покинул край широких лужаек и приветливых деревьев. Поэтому, когда молодой человек из нашей конторы предложил снять на двоих дом в пригородном посёлке, идея показалась мне чудесной. Дом он нашёл: облезлое картонный бунгало за восемьдесят долларов в месяц. Но в последнюю минуту фирма отправила его в Вашингтон, и в глушь я поехал один. У меня была собака (то есть была несколько дней, пока не сбежала), старенький «додж» и финка, которая стелила мне постель, готовила завтрак и бормотала над электроплитой финскую мудрость.

Первый день или два было одиноко, пока однажды утром на дороге меня не остановил какой-то человек, приехавший позже меня.

— Как пройти к посёлку Уэст-Эгг? — беспомощно спросил он.

Я объяснил. И, шагая дальше, я больше не чувствовал себя одиноким. Я был проводником, следопытом, первопоселенцем. Мимоходом он пожаловал мне вольности этих мест.

И вот, с солнцем и с этими могучими всплесками листвы на деревьях, что растёт так, как всё растёт в ускоренной киносъёмке, я ощутил знакомую уверенность, что с приходом лета жизнь начинается сызнова.

Читать предстояло так много, да и здоровья нужно было набраться так много из молодого, дающего дыхание воздуха. Я купил дюжину томов о банковском деле, кредите и ценных бумагах, и они выстроились на полке в красном с золотом, точно свежечеканенные монеты, суля раскрыть блистательные тайны, ведомые лишь Мидасу, Моргану и Меценату. И у меня были высокие намерения прочесть ещё множество других книг. В колледже я был довольно «литературным». Однажды я написал для «Йельских новостей» серию очень торжественных и очевидных передовиц. Теперь я собирался вернуть всё это в свою жизнь и снова стать самым ограниченным из всех специалистов, «всесторонне развитым человеком». Это не просто эпиграмма: в конце концов, жизнь куда успешнее рассматривать из одного окна.

Случай распорядился так, что дом я снял в одном из самых странных мест Северной Америки. Он стоял на том узком, буйном острове, что тянется на восток от Нью-Йорка, где среди прочих природных диковин есть два необычных участка суши. В двадцати милях от города два исполинских яйца, одинаковых по очертаниям и разделённых лишь любезной бухтой, выдаются в самый прирученный водоём Западного полушария, в великий мокрый скотный двор пролива Лонг-Айленд. Это не безупречные овалы: как и колумбово яйцо, оба они приплюснуты в месте соприкосновения. Но их внешнее сходство, должно быть, вечно изумляет чаек, летающих над ними. Для существ бескрылых куда любопытнее их несходство во всём, кроме формы и размера.

Я жил в Уэст-Эгге, то есть, скажем так, в менее модном из двух, хотя ярлык этот до смешного поверхностен для странного и небезынтересно зловещего контраста между ними. Мой дом стоял на самой макушке яйца, в полусотне ярдов от пролива, зажатый между двумя

громадинами, которые сдавались за двенадцать-пятнадцать тысяч в сезон. Та, что справа, была колоссальна по любым меркам: добросовестная копия какой-то нормандской ратуши, с башней сбоку, с иголки новая, под жидкой бородкой ещё не окрепшего плюща, с мраморным бассейном и сорока с лишним акрами газонов и садов. Это был особняк Гэтсби. Точнее, поскольку с мистером Гэтсби я знаком не был, особняк, в котором проживал некий джентльмен с такой фамилией. Мой собственный дом был уродцем, но уродцем скромным и оставленным без внимания, так что мне достались вид на воду, частичный вид на лужайку соседа и утешительная близость миллионеров, и всё это за восемьдесят долларов в месяц.

За любезной бухтой белые дворцы фешенебельного Ист-Эгга сверкали вдоль воды, и история этого лета по-настоящему начинается с вечера, когда я поехал туда обедать к чете Бьюкененам. Дэйзи приходилась мне троюродной сестрой, а Тома я знал по колледжу. И сразу после войны я провёл два дня у них в Чикаго.

Её муж, среди прочих телесных достоинств, был одним из мощнейших крайних игроков, когда-либо выходивших на футбольное поле Нью-Хейвена, в своём роде национальной знаменитостью, одним из тех людей, что достигают такого острого, но узкого совершенства к двадцати одному году, что всё дальнейшее отдаёт разочарованием. Семья его была богата до неприличия (ещё в колледже его вольное обращение с деньгами вызывало упрёки), а теперь, покинув Чикаго, он перебрался на Восток с размахом, от которого перехватывало дыхание: к примеру, привёз из Лейк-Фореста целый табун поло-пони, будто переезжал не в другой штат, а на другую планету со своим гардеробом. Мысль, что человек моего поколения может позволить себе подобное, укладывалась в голову с трудом.

Почему они переехали на Восток, я не знаю. Год они прожили во Франции без особой причины, а потом дрейфовали то тут, то там, неприкаянно, где бы ни играли в поло и где бы ни собирались вместе богатые люди. Это переезд навсегда, сказала мне Дэйзи по телефону, но я не поверил. Я не видел, что у Дэйзи на сердце, но чувствовал, что Том будет дрейфовать вечно, слегка тоскливо ища драматического накала какого-то невозвратимого футбольного матча.

Так и вышло, что тёплым ветреным вечером я поехал в Ист-Эгг повидать двух старых друзей, которых почти не знал. Их дом оказался ещё роскошнее, чем я ожидал: весёлый красно-белый особняк в георгианском колониальном стиле, глядящий на бухту. Лужайка начиналась у самого пляжа и бежала к парадной двери целую четверть мили, перепрыгивая через солнечные часы, кирпичные дорожки и пылающие сады. Достигнув наконец дома, она взбегала по стене яркими лозами, словно по инерции разбега. Фасад прорезал ряд французских окон, сейчас сверкавших отражённым золотом и распахнутых навстречу тёплому ветреному дню, а на крыльце, широко расставив ноги, стоял Том Бьюкенен в костюме для верховой езды.

Он изменился со времён Нью-Хейвена. Теперь это был крепкий соломенноволосяный тридцатилетний мужчина с жёстким ртом и высокомерными манерами. Два сверкающих надменных глаза завоевали господство над его лицом и придавали ему вид человека, всегда агрессивно подающегося вперёд. Даже женственный шик его костюма не мог скрыть чудовищной силы этого тела. Он так заполнял свои лоснящиеся сапоги, что верхняя шнуровка едва не лопалась, и можно было видеть, как под тонким сюртуком перекачивается тугая ком мышц, стоило ему шевельнуть плечом. Это было тело, способное дать чудовищный напор.

Его голос, грубый, сипловатый тенор, усиливал впечатление раздражительности. В нём звучало отеческое презрение, даже к людям, которые ему нравились, а в Нью-Хейвене были такие, что его ненавидели до печёнок.

«Не думай, будто моё мнение по этим вопросам окончательно, — казалось, говорил он, — только потому, что я сильнее и мужчина больше, чем ты». Мы состояли в одном старшекурсническом обществе, и хотя близкими друзьями никогда не были, мне всегда казалось, что он одобряет меня и хочет, чтобы я к нему тянулся, с какой-то своей, резкой и упрямой тоской.

Несколько минут мы поговорили на залитом солнцем крыльце.

— У меня тут неплохое местечко, — сказал он, беспокойно оглядываясь.

Взяв меня за локоть и развернув, он повёл широкой плоской ладонью вдоль фасадной панорамы, охватившей утопленный итальянский сад, полгектара густо пахнущих роз и курносую моторную лодку, стукавшуюся о прилив у берега.

— Раньше принадлежало Демейну, нефтянику. — Он снова развернул меня, вежливо и резко. — Пойдём в дом.

Мы прошли по высокому холлу в светлое, розоватое пространство, хрупко пристёгнутое к дому французскими окнами с обеих сторон. Окна были приоткрыты и сияли белизной на фоне свежей травы, которая словно вращалась в комнату. Сквозняк гулял по залу, загоня шторы с одного конца и выгоняя с другого, как бледные флаги, закручивая их к глазированному, будто свадебный торт, потолку, а затем пробежал рябью по винно-красному ковру, отбрасывая на него тень, как ветер на море.

Единственным вполне неподвижным предметом в комнате был огромный диван, на котором две молодые женщины покоились, как на якорном аэростате. Обе были в белом, и платья их трепетали и колыхались, словно они только что влетели обратно после короткого полёта вокруг дома. Я, должно быть, несколько мгновений стоял и слушал хлопанье и щёлканье штор и стон картины на стене. Затем раздался гулкий удар: Том Бьюкенен закрыл задние окна, поиманный ветер затих, и шторы, и ковры, и две молодые женщины медленно опустились на пол.

Младшая была мне незнакома. Она лежала во всю длину на своём краю дивана, совершенно неподвижно, слегка приподняв подбородок, будто балансировала на нём что-то, что вот-вот упадёт. Если она и увидела меня краем глаза, то не подала виду. Я даже почти готов был пробормотать извинения за то, что нарушил её покой.

Другая, Дэйзи, попыталась встать: подалась чуть вперёд с добросовестным выражением лица. Потом засмеялась абсурдным, очаровательным смешком, и я тоже рассмеялся и шагнул в комнату.

— Я п-парализована счастьем.

Она снова засмеялась, будто сказала что-то очень остроумное, и на мгновение задержала мою руку, глядя мне в лицо и обещая, что нет на свете человека, которого она хотела бы видеть больше. Такая уж у неё была манера. Шёпотом она дала понять, что фамилия девушки, что держит равновесие, — Бейкер. (Я слышал, будто шёпот Дэйзи нужен лишь для того, чтобы люди к ней наклонялись; это несущественный упрёк, это не делает его менее очаровательным.)

Так или иначе, губы мисс Бейкер дрогнули, она едва заметно кивнула мне и тут же снова запрокинула голову: предмет, который она удерживала, явно чуть покачнулся и слегка её напугал. И снова на моих губах возникло что-то вроде извинения. Почти любое проявление полной самодостаточности вызывает у меня ошеломлённую дань уважения.

Я снова посмотрел на кухню, которая начала расспрашивать меня своим низким, волнующим голосом. Это был голос, за которым ухо следует вверх и вниз, словно каждая фраза — созвучие нот, что никогда больше не будут сыграны. Лицо у неё было печальное и прекрасное, с яркими вещами внутри: яркие глаза, яркий страстный рот. Но в голосе жило возбуждение, которое мужчины, любившие её, находили трудным забыть: поющая неотвратимость, шёпотом произнесённое «Слушай», обещание, что она только что совершила весёлые, волнующие дела и что в ближайший час её ждут ещё более весёлые и волнующие.

Я рассказал, как заезжал на день в Чикаго по дороге на Восток и как дюжина людей передавала ей приветы через меня.

— Они скучают по мне? — воскликнула она в упоении.

— Весь город безутешен. У всех машин левое заднее колесо выкрашено чёрным, как траурный венок, и всю ночь на северном берегу не смолкает вой.

— Как чудесно! Поедем обратно, Том. Завтра же! — Потом она добавила невпопад: — Ты должен увидеть малышку.

— Я бы хотел.

— Она спит. Ей три года. Ты ведь ни разу её не видел?

— Ни разу.

— Ну так ты должен её увидеть. Она...

Том Бьюкенен, беспокойно бродивший по комнате, остановился и положил руку мне на плечо.

— Чем занимаешься, Ник?

— Я торгую облигациями.

— В какой фирме?

Я назвал.

— Никогда не слышал, — отрезал он.

Это меня задело.

— Услышишь, — ответил я коротко. — Если останешься на Востоке, услышишь.

— О, я останусь на Востоке, не беспокойся, — сказал он, взглянув на Дэйзи и снова на меня, как будто ожидая чего-то ещё. — Я был бы чёртовым дураком, если бы жил где-то ещё.

В этот момент мисс Бейкер произнесла: «Совершенно верно!» так внезапно, что я вздрогнул. Это было первое слово, произнесённое ею с тех пор, как я вошёл. Очевидно, оно удивило её не меньше, чем меня, потому что она зевнула и серией быстрых, ловких движений поднялась на ноги.

— Я затекла, — пожаловалась она. — Я лежу на этом диване, сколько себя помню.

— На меня не смотри, — парировала Дэйзи. — Я весь день уговариваю тебя поехать в Нью-Йорк.

— Нет, спасибо, — сказала мисс Бейкер четырём коктейлям, только что принесённым из кладовой. — Я в жёсткой тренировке.

Хозяин недоверчиво посмотрел на неё.

— Вот как! — Он опрокинул свой бокал, будто там была капля на дне. — Как ты вообще что-то успеваешь, выше моего понимания.

Я посмотрел на мисс Бейкер, гадая, что же такое она «успевает». Мне нравилось на неё смотреть. Это была стройная, узкогрудая девушка с прямой осанкой, которую она подчёркивала, откидывая плечи назад, как молодой кадет. Её серые, прищуренные от солнца глаза с вежливым обоюдным любопытством смотрели на меня с бледного, очаровательного, недовольного лица. Мне пришло в голову, что я видел её, или её портрет, где-то раньше.

— Вы живёте в Уэст-Эгге, — заметила она с пренебрежением. — Я там кое-кого знаю.

— Я не знаю ни одного...

— Гэтсби вы наверняка знаете.

— Гэтсби? — вмешалась Дэйзи. — Какой Гэтсби?

Прежде чем я успел ответить, что он мой сосед, объявили обед. Напряжённо просунув руку под мою, Том Бьюкенен властно вывел меня из комнаты, словно передвигал шашку на другую клетку.

Стройно, лениво, легко положив руки на бёдра, две молодые женщины прошли впереди нас на розоватую веранду, открытую навстречу закату, где на столе мерцали четыре свечи в поухишем ветре.

— Зачем свечи? — нахмурилась Дэйзи. Она загасила их пальцами. — Через две недели будет самый длинный день в году. — Она лучезарно оглядела нас всех. — Вы тоже всегда ждёте самого длинного дня, а потом его пропускаете? Я всегда жду самого длинного дня в году и пропускаю.

— Надо бы что-нибудь придумать, — зевнула мисс Бейкер, садясь за стол так, будто ложилась в постель.

— Хорошо, — сказала Дэйзи. — Что же мы придумаем? — Она повернулась ко мне с беспомощным видом. — Что люди придумывают?

Прежде чем я успел ответить, её глаза с изумлённым выражением остановились на мизинце.

— Смотрите! — пожаловалась она. — Я ушибла палец.

Мы все посмотрели: сустав был чёрно-синий.

— Это ты, Том, — сказала она обвиняюще. — Я знаю, ты не хотел, но это сделал ты. Вот что я получаю за то, что вышла замуж за грубияна, за большого, неуклюжего, тяжеловесного физического экземпляра...

— Терпеть не могу слово «тяжеловесный», — сердито возразил Том, — даже в шутку.

— Тяжеловесный, — настаивала Дэйзи.

Иногда она и мисс Бейкер заговаривали одновременно, ненавязчиво, с шутливой бесвязностью, которая никогда не переходила в болтовню, столь же прохладной, как их белые платья и безличные глаза, в которых не было ни тени желания. Они были здесь, они принимали нас с Томом, лишь вежливо и приятно стараясь развлечь или развлечься. Они знали, что вскоре обед закончится, а чуть позже закончится и вечер, и его небрежно уберут. Это резко отличалось от Запада, где вечер торопливо гнали от фазы к фазе к концу, в постоянном разочарованном ожидании или в чистом нервном страхе перед самым мгновением.

— Вы заставляете меня чувствовать себя дикарём, Дэйзи, — признался я, допивая второй бокал терпкого, но довольно впечатляющего кларета. — Не могли бы вы поговорить об урожае или ещё о чём-нибудь?

Я не имел в виду ничего особенного, но мои слова подхватили самым неожиданным образом.

— Цивилизация разваливается, — яростно выпалил Том. — Я стал ужасным пессимистом. Ты читал «Возвышение цветных империй» этого Годдарда?

— Нет, — ответил я, удивлённый его тоном.

— Так вот, это прекрасная книга, и каждому стоило бы её прочесть. Идея в том, что если мы не будем осторожны, белая раса будет... будет полностью поглощена. Всё это научно, всё доказано.

— Том становится очень глубокомысленным, — сказала Дэйзи с выражением бездумной грусти. — Он читает глубокие книги с длинными словами. Как там было то слово, что мы...

— Эти книги научные, — настаивал Том, нетерпеливо взглянув на неё. — Этот парень всё рассчитал. Нам, доминирующей расе, надо быть начеку, иначе другие расы возьмут всё под свой контроль.

— Мы должны их растоптать, — шепнула Дэйзи, яростно подмигивая пылающему солнцу.

— Вам стоило бы жить в Калифорнии... — начала мисс Бейкер, но Том перебил её, тяжело повернувшись в кресле.

— Идея в том, что мы нордики. Я нордик, и ты, и ты, и... — После ничтожной заминки он включил в это число Дэйзи лёгким кивком, а она снова подмигнула мне. — ...и мы создали всё, из чего складывается цивилизация, науку, искусство и всё такое. Понимаешь?

В его сосредоточенности было что-то жалкое, как будто его самодовольства, острее прежнего, ему уже не хватало. Когда почти тотчас внутри зазвонил телефон и дворецкий ушёл с веранды, Дэйзи ухватилась за эту паузу и наклонилась ко мне.

— Расскажу семейный секрет, — прошептала она с воодушевлением. — Про нос дворецкого. Хотите услышать про нос дворецкого?

— Именно за этим я сегодня и приехал.

— Так вот, он не всегда был дворецким. Раньше он чистил серебро у каких-то людей в Нью-Йорке, у которых был серебряный сервиз на двести персон. Ему приходилось полировать его с утра до ночи, пока это наконец не сказалось на носу...

— Дела шли всё хуже и хуже, — подсказала мисс Бейкер.

— Да. Дела шли всё хуже и хуже, пока ему в конце концов не пришлось оставить должность.

На мгновение последний свет солнца с романтической нежностью упал на её сияющее лицо. Её голос увлекал меня вперёд, я слушал, затаив дыхание. Потом сияние угасло, и каждый луч покидал её с задержкой, с сожалением, как дети, уходящие с приятной улицы в сумерках.

Дворецкий вернулся и прошептал что-то Тому на ухо, после чего Том нахмурился, отодвинул стул и без слова ушёл в дом. словно его отсутствие что-то в ней ускорило, Дэйзи снова подалась вперёд, и голос её засветился и запел.

— Я люблю видеть вас за своим столом, Ник. Вы напоминаете мне... розу, настоящую розу. Правда? — Она повернулась к мисс Бейкер за подтверждением. — Настоящую розу?

Это было неправдой. Я несколько не похож на розу. Она просто импровизировала, но от неё исходило волнующее тепло, будто её сердце пыталось выйти к тебе, спрятавшись в одном из этих захватывающих, прерывистых слов. Затем она вдруг бросила салфетку на стол, извинилась и ушла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись коротким, намеренно лишённым смысла взглядом. Я уже собирался что-то сказать, когда она встрепенулась и предупреждающе прошептала: «Тс!» Из соседней комнаты доносился приглушённый страстный ропот, и мисс Бейкер, не таясь, подавалась вперёд, пытаясь расслышать. Ропот дрожал на грани связности, опадал, взволнованно нарастал и наконец умолк совсем.

— Этот мистер Гэтсби, о котором вы говорили, мой сосед... — начал я.

— Не разговаривайте. Я хочу услышать, что будет дальше.

— Что-то происходит? — спросил я наивно.

— Вы хотите сказать, что не знаете? — удивилась мисс Бейкер вполне искренне. — Я думала, знают все.

— Я не знаю.

— Ну... — сказала она с запинкой. — У Тома есть какая-то женщина в Нью-Йорке.

— Какая-то женщина? — тупо повторил я.

Мисс Бейкер кивнула.

— Могла бы иметь приличие не звонить ему в обеденное время. Вы не находите?

Я едва успел осознать смысл сказанного, как раздались шелест платья и хруст кожаных сапог, и Том с Дэйзи вернулись к столу.

— Ничего не поделаешь! — воскликнула Дэйзи с напряжённой весёлостью.

Она села, пылливо взглянула на мисс Бейкер, потом на меня и продолжила:

— Я на минутку выглянула на улицу, и там очень романтично. На лужайке птица, которая, кажется, просто обязана быть соловьём, прилетевшим на «Кунарде» или «Уайт стар лайн». Поёт всюду... — Голос её запел: — Правда, романтично, Том?

— Очень романтично, — сказал он, а потом мне, несчастным голосом: — Если после обеда ещё будет светло, я хочу свести тебя на конюшню.

Внутри пронзительно зазвонил телефон, и когда Дэйзи решительно покачала головой Тому, тема конюшни и вообще все темы растаяли в воздухе. Из обломков последних пяти минут за столом я помню, как снова зажгли свечи, бессмысленно, и как мне хотелось глядеть прямо на всех и в то же время избегать всех глаз. Я не мог угадать, о чём думают Дэйзи и Том, но сомневаюсь, что даже мисс Бейкер, казалось, выработавшая стойкий скептицизм, сумела полностью выбросить из головы пронзительную металлическую настойчивость этого пятого

гостя. Для иного темперамента ситуация могла бы показаться пикантной. Мой же инстинкт подсказывал немедленно вызвать полицию.

Лошадей, само собой, больше не упоминали. Том и мисс Бейкер, разделённые несколькими футами сумерек, побрели обратно в библиотеку, словно на бдение у вполне осязаемого тела. А я, стараясь выглядеть приятно заинтересованным и слегка глуховатым, последовал за Дэйзи по цепочке соединённых веранд к переднему крыльцу. В его глубоком сумраке мы сели рядом на плетёную скамью.

Дэйзи обхватила лицо ладонями, будто ощупывая его прекрасную форму, и глаза её медленно уплыли в бархатные сумерки. Я видел, что её обуревают тревожные чувства, поэтому спросил о том, что показалось мне успокоительным: о её маленькой дочке.

— Мы с вами совсем не знаем друг друга, Ник, — вдруг сказала она. — Хотя мы и родственники. Вы не приехали на мою свадьбу.

— Я тогда ещё не вернулся с войны.

— Верно. — Она помедлила. — Ну так вот, Ник, мне пришлось очень туго, и я теперь циничная во всём.

Очевидно, у неё были на то причины. Я подождал, но она ничего не добавила, и спустя мгновение я довольно неловко вернулся к теме её дочери.

— Наверное, она уже говорит, и... ест, и всё прочее.

— О да. — Она рассеянно посмотрела на меня. — Слушайте, Ник, я расскажу, что я сказала, когда она родилась. Хотите послушать?

— Очень.

— Это покажет вам, что я теперь чувствую ко... всему. Ей не было и часа, а Том был бог знает где. Я очнулась от эфира с чувством полной заброшенности и сразу спросила у сестры, мальчик или девочка. Она сказала, что девочка, и я отвернулась и заплакала. «Ну и пусть, — сказала я, — я рада, что девочка. И надеюсь, она вырастет дурочкой: это лучшее, чем девочка может быть в этом мире, прекрасной маленькой дурочкой».

— Понимаете, я думаю, что всё вообще ужасно, — продолжала она убеждённо. — Все так думают, самые передовые люди. И я знаю. Я была везде, всё видела и всё делала. — Её глаза вызывающе метнулись по сторонам, совсем как у Тома, и она засмеялась с волнующим презрением. — Искушённая! Боже, какая я искушённая!

Едва её голос оборвался и перестал приковывать моё внимание и веру, я почувствовал глубинную неискренность сказанного. Мне стало не по себе, словно весь вечер был какой-то уловкой, чтобы выманить у меня сопереживание. Я подождал, и точно: спустя мгновение она посмотрела на меня с откровенной ухмылкой на прекрасном лице, словно заявила о своём членстве в весьма избранном тайном обществе, к которому принадлежат она и Том.

Внутри малиновая комната цвела светом. Том и мисс Бейкер сидели на разных концах длинного дивана, и она читала ему вслух из «Сатердей ивинг пост», слова, журчащие и без интонации, сливались в убаюкивающий мотив. Свет лампы, яркий на его сапогах и тусклый на её волосах цвета осенней листвы, скользил по бумаге, пока она переворачивала страницу, дрогнув тонкими мышцами рук.

Когда мы вошли, она подняла руку и на мгновение заставила нас замолчать.

— Продолжение следует, — сказала она, бросая журнал на стол, — в нашем следующем номере.

Тело её напомнило о себе беспокойным движением колена, и она встала.

— Десять часов, — заметила она, будто найдя время на потолке. — Пора этой хорошей девочке ложиться спать.

— Джордан завтра играет в турнире, — пояснила Дэйзи, — в Уэстчестере.

— О... так вы Джордан Бейкер.

Теперь я понял, почему её лицо показалось знакомым: его приятное презрительное выражение смотрело на меня со многих глянцевых фотографий светской спортивной жизни в Эшвилле, Хот-Спрингсе и Палм-Бич. Я слышал о ней какую-то историю, критическую, неприятную, но какую именно, давно забыл.

— Спокойной ночи, — тихо сказала она. — Разбудите меня в восемь, хорошо?

— Если ты встанешь.

— Встану. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. До скорого.

— Конечно, увидите, — подтвердила Дэйзи. — Я, пожалуй, даже устрою вам свадьбу. Приезжайте почаще, Ник, а я как-нибудь... ну... сведу вас. Знаете... запрю вас нечаянно в белье-вом шкафу и выпущу в море на лодке, и всё такое...

— Спокойной ночи, — крикнула мисс Бейкер с лестницы. — Я ни слова не слышала.

— Хорошая девушка, — сказал Том после паузы. — Не стоило бы её отпускать вот так разъезжать по стране.

— Кому не стоило бы? — холодно спросила Дэйзи.

— Её семье.

— Её семья — это одна тётка, которой примерно тысяча лет. Кроме того, Ник будет за ней присматривать, правда, Ник? Она будет проводить у нас много выходных этим летом. Думаю, домашняя обстановка пойдёт ей на пользу.

Дэйзи и Том на мгновение молча посмотрели друг на друга.

— Она из Нью-Йорка? — быстро спросил я.

— Из Луисвилла. Там прошло наше белое девичество. Наше прекрасное белое...

— Ты провела с Ником небольшую душевную беседу на веранде? — вдруг потребовал Том.

— Провела? — Она посмотрела на меня. — Не могу вспомнить, но, кажется, мы говорили о нордической расе. Да, точно. Как-то само собой вышло, и не успеешь оглянуться...

— Не верь всему, что слышишь, Ник, — посоветовал он мне.

Я легко сказал, что ничего не слышал, и через несколько минут встал, чтобы ехать домой. Они проводили меня до двери и остановились рядом в приветливом квадрате света. Когда я завёл мотор, Дэйзи повелительно окликнула:

— Подождите!

— Я забыла спросить кое-что важное. Мы слышали, что вы помолвлены с девушкой на Западе.

— Верно, — любезно подтвердил Том. — Мы слышали, что вы помолвлены.

— Это клевета. Я слишком беден.

— Но мы это слышали, — настаивала Дэйзи, удивив меня тем, что снова раскрылась, как цветок. — Слышали от троих, так что это, должно быть, правда.

Разумеется, я знал, о чём они, но даже отдалённо помолвлен не был. То, что сплетня огласила наше оглашение, было одной из причин, почему я уехал на Восток. Нельзя же порвать со старым другом из-за слухов, и в то же время я не намеревался позволить слухам женить меня.

Их интерес меня отчасти тронул и сделал их менее недостижимо богатыми. И всё же я ехал прочь смущённый и слегка раздосадованный. Мне казалось, что Дэйзи следовало бы выбежать из дома с ребёнком на руках, но, судя по всему, ничего подобного в её мыслях не было. Что до Тома, то тот факт, что у него «какая-то женщина в Нью-Йорке», удивил меня меньше, чем то, что его угнетала книга. Что-то заставляло его обгрызать края затхлых идей, будто его крепкий физический эгоизм больше не питал его властное сердце.

Уже наступил разгар лета на крышах придорожных трактиров и перед придорожными гаражами, где новые красные бензоколонки стояли в лужах света. Когда я добрался до своего поместья в Уэст-Эгге, я загнал машину в сарай и некоторое время посидел на заброшенном

садовом катке во дворе. Ветер стих, оставив громкую, яркую ночь: в деревьях били крылья, а мехи земли раздували лягушек, полных жизни, и стоял неумолчный звук органа. Силуэт крадущейся кошки качнулся в лунном свете, и, повернув голову, чтобы проследить за ней, я увидел, что я не один. В пятидесяти футах от меня из тени соседского особняка вышла фигура и стояла, засунув руки в карманы, разглядывая серебряный перец звёзд. Что-то в его неторопливых движениях и в уверенной постановке ног на лужайке подсказывало, что это сам мистер Гэтсби вышел определить, какая доля наших небес принадлежит ему.

Я решил окликнуть его. Мисс Бейкер упоминала его за обедом, а этого хватило бы для знакомства. Но я не окликнул: он вдруг дал понять, что доволен одиночеством. Он странным образом протянул руки к тёмной воде, и, как ни далеко я был, я мог бы поклясться, что он дрожит. Невольно я взглянул в сторону моря и не различил ничего, кроме одного зелёного огонька, крошечного и далёкого, который мог быть концом причала. Когда я снова поискал глазами Гэтсби, он исчез, и я опять остался один в беспокойной темноте.

II

Примерно на полпути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком автострада поспешно прижимается к железной дороге и четверть мили бежит вдоль неё, словно стараясь отшатнуться от некоего безотрадного клочка земли. Это Долина Пепла, фантастическая ферма, где пепел, как пшеница, растёт грядами, холмами и причудливыми садами; где он принимает форму домов, труб и восходящего дыма и, наконец, в порыве трансцендентного усилия, форму людей пепельного цвета, которые смутно бродят в порошковом воздухе, уже рассыпаясь на ходу. Время от времени по невидимой колее ползёт вереница серых вагонов, издаёт замогильный скрип и замирает, и тотчас пепельные люди роятся вокруг со свинцовыми лопатами, поднимая непроходимую тучу, которая скрывает от вашего взора их тёмные труды.

Но над серой землёй и над судорогами унылой пыли, что бесконечно дрейфует над ней, спустя мгновение вы различаете глаза доктора Т. Дж. Экльбурга. Глаза доктора Т. Дж. Экльбурга голубые и гигантские: одна сетчатка в ярд высотой. Они смотрят не из лица, а из пары огромных жёлтых очков, оседлавших несуществующий нос. Очевидно, какой-то чудаковатый шутник-окулист водрузил их здесь, чтобы раздобреть на практике в округе Куинс, а потом и сам погрузился в вечную слепоту или попросту забыл о них и съехал. Но глаза его, слегка потускневшие от множества некрашенных дней под солнцем и дождём, продолжают думать свою думу над торжественной свалкой.

С одной стороны Долина Пепла ограничена мелкой вонючей речушкой, и когда разводной мост поднимают, пропуская баржи, пассажиры ожидающих поездов могут созерцать унылую картину до получаса. Остановка тут не бывает короче минуты, и именно благодаря ей я впервые встретил любовницу Тома Бьюкенена.

О том, что она у него есть, твердили повсюду, где его знали. Знакомых возмущало, что он появляется с ней в модных кафе и, оставив её за столиком, фланирует вокруг, болтая со всеми, кого знает. Мне было любопытно на неё взглянуть, но знакомиться я не стремился. И всё же познакомился. Как-то днём я ехал с Томом в Нью-Йорк на поезде, и когда мы встали у пепельных куч, он вскочил, схватил меня за локоть и буквально вытолкал из вагона.

— Выходим, — настаивал он. — Хочу познакомить тебя со своей девушкой.

Кажется, за завтраком он изрядно принял, и его решимость заполучить мою компанию граничила с насилием. Высокомерно подразумевалось, что в воскресный день мне всё равно нечем заняться.

Я последовал за ним через низкий побелённый железнодорожный забор, и мы прошли ярдов сто назад по дороге под неотступным взглядом доктора Экльбурга. Единственным зданием в пределах видимости был небольшой квартал из жёлтого кирпича на краю пустоши, такая компактная Мэйн-стрит, обслуживающая эту пустошь и не примыкающая решительно ни к чему. Из трёх лавок одна сдавалась внаём, другая была круглосуточной закусочной, к которой вела тропа из пепла, а третья гаражом: «Ремонт. Джордж Б. Уилсон. Покупка и продажа автомобилей». Я вошёл за Томом внутрь.

Внутри было неприбыльно и голо; единственным видимым автомобилем был покрытый пылью остов «форда», скорчившийся в тёмном углу. Мне пришло в голову, что эта тень гаража, должно быть, просто ширма, а наверху скрыты роскошные и романтические апартаменты, но тут в дверях конторки возник сам хозяин, вытирая руки куском ветоши. Это был светловолосый, вялый человек, малокровный и слегка красивый. Увидев нас, он вспыхнул влажным проблиском надежды в светло-голубых глазах.

— Здорово, Уилсон, дружище, — сказал Том, весело хлопая его по плечу. — Как дела?

— Не жалуюсь, — ответил Уилсон без всякой убедительности. — Когда вы продадите мне ту машину?

— На следующей неделе; мой человек как раз с ней возится.

— Что-то медленно он работает, а?

— Нет, не медленно, — холодно сказал Том. — А если ты так считаешь, так, пожалуй, мне лучше продать её кому-нибудь другому.

— Я не то хотел сказать, — торопливо объяснил Уилсон. — Я только имел в виду...

Голос его угас, и Том нетерпеливо оглядел гараж. Потом я услышал шаги на лестнице, и через мгновение плотная фигура женщины заслонила свет в дверях конторки. Ей было за тридцать, она была слегка полновата, но носила своё тело чувственно, как умеют иные женщины. Лицо её над платьем из тёмно-синего крепдешина в горошек не содержало ни грани, ни отблеска красоты, но в ней сразу ощущалась жизненная сила, будто нервы её тела непрестанно тлели. Она медленно улыбнулась и, пройдя сквозь мужа, как сквозь привидение, пожала руку Тому, глядя ему прямо в глаза. Потом облизнула губы и, не оборачиваясь, сказала мужу мягким грубоватым голосом:

— Принёс бы стулья, что ли, чтобы люди могли сесть.

— О, конечно, — торопливо согласился Уилсон и направился в конторку, немедленно слившись с цементным цветом стен. Белая пепельная пыль вуалью лежала на его тёмном костюме и светлых волосах, как на всём вокруг, кроме его жены, которая подошла вплотную к Тому.

— Мне нужно тебя увидеть, — сказал Том напряжённо. — Садись на следующий поезд.

— Хорошо.

— Встречу тебя у газетного киоска на нижнем уровне.

Она кивнула и отошла от него как раз в тот момент, когда Джордж Уилсон вышел из конторки с двумя стульями.

Мы ждали её на дороге, вне поля зрения. Было за несколько дней до Четвёртого июля, и тощий серый итальянский мальчишка выкладывал в ряд вдоль путей петарды.

— Ужасное место, правда? — сказал Том, обменявшись хмурым взглядом с доктором Экльбургом.

— Кошмар.

— Ей полезно бывать вдали отсюда.

— А муж не возражает?

— Уилсон? Он думает, что она ездит навестить сестру в Нью-Йорк. Он такой болван, что не понимает, что он вообще жив.

Так Том Бьюкенен, его девушка и я отправились вместе в Нью-Йорк, или не совсем вместе, ибо миссис Уилсон благоразумно села в другой вагон. Столько уступки Том сделал чувствительности тех ист-эггцев, что могли оказаться в поезде.

Она сменила платье на коричневый набивной муслин, который туго обтянул её довольно широкие бёдра, когда Том помог ей сойти на перрон в Нью-Йорке. У киоска она купила номер «Городской болтовни» и киножурнал, а в вокзальной аптеке холодный крем и маленький флакон духов. Наверху, на торжественной гулкой площади, она пропустила четыре такси, прежде чем выбрала новое, лавандового цвета с серой обивкой, и в нём мы выскользнули из вокзальной толчеи в пылающее солнце. Но тут же она резко отвернулась от окна и, подавшись вперёд, постучала в переднее стекло.

— Я хочу купить одну из этих собак, — сказала она горячо. — Для квартиры. Приятно иметь собаку.

Мы дали задний ход к седому старику, до нелепости похожему на Джона Д. Рокфеллера. В корзине на шее у него жалась дюжина совсем недавних щенков неопределённой породы.

— Какие они? — жадно спросила миссис Уилсон, когда он подошёл к окну такси.

— Всякие. Какие вам надобно, леди?

— Мне хотелось бы овчарку, из полицейских, но, наверное, таких у вас нет?

Старик с сомнением заглянул в корзину, запустил в неё руку и вытащил одного, извивающегося, за шкуру.

— Это не полицейская, — сказал Том.

— Нет, не совсем полицейская, — с разочарованием сказал продавец. — Скорее эрдель-терьер. — Он провёл ладонью по коричневой мочалке спины. — Гляньте на шерсть. Какая шерсть! Эта собака вас никогда не побеспокоит простудой.

— По-моему, мило, — с энтузиазмом сказала миссис Уилсон. — Сколько?

— Эта собака? — Он посмотрел на неё с восхищением. — Эта собака обойдётся вам в десять долларов.

Эрдельтерьер (несомненно, эрдель тут имел какое-то касательство, хотя лапы у него были поразительно белые) перешёл из рук в руки и обосновался на коленях миссис Уилсон, где она в упоении ласкала его непромокаемую шкуру.

— Это мальчик или девочка? — спросила она деликатно.

— Эта собака? Эта собака мальчик.

— Это сука, — решительно сказал Том. — Вот ваши деньги. Идите и купите на них ещё десять собак.

Мы выехали на Пятую авеню, тёплую и мягкую, почти пасторальную в летний воскресный день. Я бы не удивился, увидев, как из-за угла выходит огромное стадо белых овец.

— Пойдите, — сказал я, — мне нужно вас здесь оставить.

— Ничего подобного, — быстро вмешался Том. — Миртл обидится, если ты не зайдёшь в квартиру. Правда, Миртл?

— Пойдёмте, — настаивала она. — Я позвоню сестре Кэтрин. Люди, которым положено разбираться, говорят, что она очень красива.

— Что ж, я бы с удовольствием, но...

Мы поехали дальше, снова срезая через парк к Западным Сотням. На Сто пятьдесят восьмой улице такси остановилось у одного ломтя в длинном белом торте многоквартирных домов. Бросив вокруг царственный взгляд возвращающейся домой владелицы, миссис Уилсон подобрала собаку и прочие покупки и надменно вошла внутрь.

— Я позову Маки, — объявила она, пока мы поднимались в лифте. — И, конечно, надо позвонить сестре.

Квартира была на верхнем этаже: маленькая гостиная, маленькая столовая, маленькая спальня и ванная. Гостиная была до самых дверей забита гобеленовой мебелью, слишком большой для неё, так что передвигаться здесь значило беспрестанно спотыкаться о сцены с дамами, качающимися в садах Версаля. Единственной картиной была непомерно увеличенная фотография, на которой, судя по всему, сидела курица на размытом камне. Однако издали курица превращалась в чепец, а из-под него в комнату благосклонно взирало лицо полной пожилой дамы. На столе лежало несколько старых номеров «Городской болтовни», «Симон, нареченный Петром» и кое-какие мелкие скандальные журнальчики с Бродвея. Миссис Уилсон прежде всего занялась собакой. Неохотный лифтёр отправился за ящиком с соломой и молоком, к которым по собственной инициативе прибавил банку крупных твёрдых собачьих галет, одна из которых апатично размокала в блюде с молоком весь день. Тем временем Том достал бутылку виски из запертой дверцы бюро.

Пьян я бывал в жизни лишь дважды, и второй раз пришёлся на тот день, так что всё случившееся окутано тусклой дымкой, хотя до восьми вечера квартира была полна весёлого солнца. Миссис Уилсон, сидя на коленях у Тома, обзвонила нескольких человек; потом кончились сигареты, и я сходил за ними в аптеку на углу. Когда вернулся, обоих уже не было, и я деликатно уселся в гостиной и прочёл главу «Симона, нареченного Петром». То ли это была ужасная дрянь, то ли виски искажало реальность, но я ничего не понял.

Едва Том и Миртл (после первой рюмки мы с миссис Уилсон стали звать друг друга по имени) вновь появились, в дверях квартиры начали собираться гости.

Сестра, Кэтрин, оказалась стройной, светской девицей лет тридцати с плотным, липким бобом рыжих волос и молочно-белой пудреной кожей. Брови ей выщипали и нарисовали заново, под более развязным углом, но старания природы восстановить прежний рисунок придавали её лицу размытый вид. Когда она двигалась, раздавалось непрерывное позвякивание: бесчисленные глиняные браслеты сновали вверх-вниз по её рукам. Она вошла с такой хозяйской поспешностью и так по-собственнически оглядела мебель, что я усомнился, не живёт ли она здесь. Но когда спросил, она неумеренно расхохоталась, повторила мой вопрос вслух и сообщила, что живёт в отеле с подругой.

Мистер Маки был бледный, женоподобный человек с нижнего этажа. Он только что побрился: на скуле осталось белое пятнышко пены, и он был чрезвычайно почтителен в приветствиях каждому в комнате. Он сообщил мне, что занят в «артистической игре», и позже я понял, что он фотограф и сделал ту тусклую увеличенную карточку матери миссис Уилсон, что парила на стене, как эктоплазма. Его жена была визглива, томна, хороша собой и ужасна. Она с гордостью рассказала мне, что муж сфотографировал её сто двадцать семь раз с тех пор, как они поженились.

Миссис Уилсон уже давно сменила наряд и теперь красовалась в затейливом дневном платье из кремового шифона, которое непрерывно шуршало, пока она сновала по комнате. Вместе с платьем изменилась и её личность. Сильная жизненная энергия, так заметная в гараже, обратилась в внушительную надменность. Смех, жесты, заявления становились всё более неистово наигранными, и, по мере того как она расширялась, комната вокруг неё сжималась, пока она не стала казаться вращающейся на шумной скрипучей оси в дымном воздухе.

— Милая моя, — объявила она сестре высоким жеманным криком, — эти типы все норовят тебя надуть. Только о деньгах и думают. На прошлой неделе ко мне приходила женщина смотреть мои ноги, а когда принесла счёт, можно было подумать, будто ей вырезали мой аппендицит.

— А как её звали? — спросила миссис Маки.

— Миссис Эберхардт. Ходит по домам и смотрит людям ноги.

— Мне нравится ваше платье, — заметила миссис Маки. — По-моему, восхитительное. Миссис Уилсон отвергла комплимент презрительным изгибом брови.

— Просто старая безделица, — сказала она. — Я его иногда набрасываю, когда мне всё равно, как я выгляжу.

— Но вам оно чудесно идёт, вы понимаете, о чём я, — не унималась миссис Маки. — Если б Честер мог запечатлеть вас в этой позе, он бы что-нибудь из этого сделал.

Мы все молча посмотрели на миссис Уилсон, которая убрала прядь волос с глаз и ответила нам блистательной улыбкой. Мистер Маки пристально разглядывал её, склонив голову набок, а потом медленно повёл рукой перед лицом взад-вперёд.

— Я бы изменил свет, — сказал он после паузы. — Мне бы хотелось выявить лепку черт. И я бы постарался захватить все волосы сзади.

— Я бы и не подумала менять свет! — воскликнула миссис Маки. — По-моему, это...

Муж сказал: «Тс!» — и мы все снова посмотрели на объект, после чего Том Бьюкенен громко зевнул и поднялся.

— Вы, Маки, выпейте чего-нибудь, — сказал он. — Принеси ещё льда и минеральной воды, Миртл, пока все не заснули.

— Я говорила этому мальчишке про лёд. — Миртл в отчаянии вскинула брови на нераспорность низших сословий. — Эти люди! За ними надо следить каждую минуту.

Она посмотрела на меня и бессмысленно рассмеялась. Потом подлетела к собаке, восторженно её поцеловала и удалилась на кухню, давая понять, что там её ждут распоряжений дюжина поваров.

— Я сделал несколько славных вещей на Лонг-Айленде, — заявил мистер Маки.

Том тупо посмотрел на него.

— Две из них у нас внизу в рамках.

— Две что? — потребовал Том.

— Два этюда. Один я называю «Монток-Пойнт. Чайки», а другой «Монток-Пойнт. Море».

Сестра Кэтрин села рядом со мной на диван.

— Вы тоже живёте на Лонг-Айленде? — спросила она.

— Я живу в Уэст-Эгге.

— Правда? Я была там на вечеринке месяц назад. У некоего Гэтсби. Вы его знаете?

— Я живу рядом с ним.

— Ну, говорят, он племянник или кузен кайзера Вильгельма. Оттуда у него все деньги.

— Неужели?

Она кивнула.

— Я его боюсь. Не хотела бы, чтобы он что-нибудь на меня накопал.

Эту захватывающую информацию о моём соседе прервала миссис Маки, внезапно ткнув пальцем в Кэтрин:

— Честер, по-моему, с ней ты мог бы что-нибудь сделать! — выпалила она, но мистер Маки лишь скучающе кивнул и повернулся к Тому.

— Мне хотелось бы больше работать на Лонг-Айленде, если бы удалось получить доступ. Всё, о чём я прошу, чтобы мне дали начало.

— Спроси Миртл, — сказал Том и коротко хохотнул, когда миссис Уилсон вошла с подносом. — Она даст тебе рекомендательное письмо, правда, Миртл?

— Что дам? — спросила она, вздрогнув.

— Дашь Маки письмо к мужу, чтобы он мог сделать с него несколько этюдов. — Губы его беззвучно шевельнулись, пока он сочинял: — «Джордж Б. Уилсон у бензоколонки», или что-нибудь в этом роде.

Кэтрин наклонилась ко мне и прошептала на ухо:

— Ни один из них не выносит того, на ком женат.

— Правда?

— Не выносят. — Она посмотрела на Миртл, потом на Тома. — Я вот что говорю: зачем продолжать жить с теми, кого не выносишь? Будь я на их месте, развелась бы и тут же поженилась друг с другом.

— Она и Уилсона не любит?

Ответ оказался неожиданным. Он раздался от Миртл, которая подслушала вопрос, и был яростным и непристойным.

— Видите? — торжествующе воскликнула Кэтрин. Она снова понизила голос. — На самом деле им мешает жена Тома. Она католичка, а они не признают развода.

Дэйзи католичкой не была, и меня слегка шокировала изощрённость лжи.

— Когда они всё-таки поженятся, — продолжала Кэтрин, — то уедут на время на Запад, пока всё не уляжется.

— Разумнее было бы уехать в Европу.

— О, вы любите Европу? — неожиданно воскликнула она. — Я только что вернулась из Монте-Карло.

— В самом деле.

— Только в прошлом году. Ездила туда с подругой.

— Долго пробыли?

— Нет, мы просто съездили в Монте-Карло и обратно. Ехали через Марсель. У нас было больше тысячи двухсот долларов, но нас обчистили за два дня в отдельных залах. Обратно добирались, скажу я вам, кошмарно. Боже, как я ненавидела этот город!

Поздне-послеполуденное небо на мгновение расцвело в окне, как голубой мёд Средиземноморья, а затем пронзительный голос миссис Маки вернул меня в комнату.

— Я тоже чуть не совершила ошибку, — заявила она энергично. — Чуть не вышла за одного жидка, который годами за мной ухлёстывал. Я знала, что он мне не пара. Все твердили: «Люсиль, этот человек тебе не пара!» Но не встретить я Честера, он бы меня точно заполучил.

— Да, но послушай, — сказала Миртл Уилсон, кивая вверх-вниз, — по крайней мере ты за него не вышла.

— Знаю, что не вышла.

— А я вот вышла за своего, — сказала Миртл двусмысленно. — В этом разница между твоим случаем и моим.

— Зачем ты вышла, Миртл? — потребовала Кэтрин. — Тебя никто не заставлял.

Миртл задумалась.

— Я вышла за него, потому что думала, что он джентльмен, — сказала она наконец. — Думала, он что-то смыслит в воспитании, а он не годился мне и туфли лизать.

— Ты была от него без ума какое-то время, — сказала Кэтрин.

— Без ума! — недоверчиво вскричала Миртл. — Кто сказал, что я была без ума? Я не была без ума от него больше, чем вот от того человека.

Она внезапно указала на меня, и все посмотрели на меня с упреком. Я постарался выражением лица показать, что не рассчитываю на привязанность.

— Единственное безумие, которое я допустила, это выйти за него. Я сразу поняла, что ошиблась. Он взял у кого-то напрокат лучший костюм, чтобы жениться, и даже не сказал мне, а потом за костюмом пришёл человек, когда его не было дома: «О, это ваш костюм?» — сказала я. «Впервые об этом слышу». Но я отдала, а потом легла и проревела весь день напролёт.

— Ей и правда надо уйти от него, — снова обратилась ко мне Кэтрин. — Они живут над этим гаражом уже одиннадцать лет. А Том — первый милый, который у неё был.

Бутылка виски, уже вторая, пользовалась теперь постоянным спросом у всех присутствующих, кроме Кэтрин, которая «прекрасно себя чувствовала и вовсе без ничего». Том позвонил дворнику и отправил его за знаменитыми бутербродами, которые сами по себе были полноценным ужином. Мне хотелось выйти и пройтись на восток к парку сквозь мягкие сумерки, но каждый раз, когда я пытался уйти, меня втягивал какой-нибудь дикий, визгливый спор и тащил обратно в кресло, словно на верёвках. И всё же высоко над городом наша цепочка жёлтых окон, должно быть, вносила свою долю человеческой тайны в мысли случайного наблюдателя на темнеющих улицах, и я видел и его тоже, поднявшего голову и гадающего. Я был внутри и снаружи одновременно, разом очарованный и отталкиваемый неисчерпаемым разнообразием жизни.

Миртл придвинула стул к моему, и вдруг её горячее дыхание излило на меня историю её первой встречи с Томом.

— Это было на двух маленьких сиденьях друг напротив друга, которые в поезде всегда остаются последними. Я ехала в Нью-Йорк к сестре, переночевать. На нём был фрак и лакированные туфли, и я не могла отвести от него глаз, но каждый раз, когда он смотрел на меня, мне приходилось делать вид, будто я разглядываю рекламу над его головой. Когда мы подъезжали к вокзалу, он оказался рядом, и его белая манишка прижалась к моей руке, и я сказала, что позову полицейского, но он знал, что я вру. Я так разволновалась, что, когда села с ним в такси, едва понимала, что не сажусь в вагон метро. Я только и думала, снова и снова: «Жить вечно нельзя; жить вечно нельзя».

Она повернулась к миссис Маки, и комната наполнилась звоном её искусственного смеха.

— Милая, — воскликнула она, — я отдам тебе это платье, как только сама с ним расстанусь. Мне завтра надо купить другое. Я составлю список всего, что мне нужно. Массаж и завивка, ошейник для собаки, одна из тех симпатичных пепельниц с пружинкой, и венок с чёрным шёлковым бантом на мамину могилу, чтобы простоял всё лето. Надо записать, чтобы не забыть всё, что мне надо сделать.

Было девять часов, и почти тотчас я взглянул на часы и увидел, что уже десять. Мистер Маки спал на стуле, сжав кулаки на коленях, как фотография человека действия. Достав платок, я стёр с его щеки пятнышко засохшей пены, что беспокоило меня весь день.

Собачка сидела на столе, глядя слепыми глазами сквозь дым и время от времени слабо поскуливая. Люди исчезали, появлялись, строили планы куда-то поехать, потом теряли друг друга, искали, находили в нескольких футах. Ближе к полуночи Том Бьюкенен и миссис Уилсон стояли лицом к лицу и страстными голосами обсуждали, имеет ли миссис Уилсон право упоминать имя Дэйзи.

— Дэйзи! Дэйзи! Дэйзи! — кричала миссис Уилсон. — Я буду говорить это, когда захочу! Дэйзи! Дэй...

Коротким ловким движением Том Бьюкенен сломал ей нос открытой ладонью.

Потом на полу ванной лежали окровавленные полотенца, слышались женские голоса, бранящие и утешающие, а над всей этой сумятицей стоял долгий прерывистый вопль боли. Мистер Маки очнулся от дремоты и в оцепенении двинулся к двери. На полпути он обернулся и уставился на сцену: жена и Кэтрин то бранили, то утешали, спотыкаясь между тесной мебелью с предметами первой помощи, а на диване отчаянная фигура обильно кровоточила, пытаясь расстелить номер «Городской болтовни» поверх гобеленовых сцен Версаля. Потом мистер Маки повернулся и вышел за дверь. Сняв шляпу с люстры, я последовал за ним.

— Приходите как-нибудь на ланч, — предложил он, пока мы, кряхтя, спускались в лифте.

— Куда?

— Куда угодно.

— Руки прочь от рычага, — рявкнул лифтёр.

— Прошу прощения, — с достоинством сказал мистер Маки, — я не знал, что его касаюсь.

— Хорошо, — согласился я, — с удовольствием.

...Я стоял у его кровати, а он сидел между простынями в одном нижнем белье, с огромной папкой в руках.

— «Красавица и чудовище»... «Одиночество»... «Старая ломовая лошадь»... «Бруклинский мост»...

Потом я лежал в полусне на холодном нижнем уровне Пенсильванского вокзала, глядя в утреннюю «Трибюн» и дожидаясь четырёхчасового поезда.

III

Всё лето из соседского дома по ночам лилась музыка. В синих садах моего соседа, среди шёпотов, шампанского и звёзд, мужчины и девушки сновали, как мотыльки. После полудня, в прилив, я наблюдал, как гости ныряют с вышки его плота или подставляют солнцу горячий песок его пляжа, а два его моторных катера режут воды пролива, таща аквапланы по водопадам пены. По выходным его «роллс-ройс» превращался в омнибус и с девяти утра до глубокой ночи возил компании из города и обратно, а универсал, словно проворный жёлтый жук, бегал встречать каждый поезд. А по понедельникам восемь слуг, включая дополнительного садовника, целый день трудились со швабрами, щётками, молотками и садовыми ножницами, устраняя разрушения минувшей ночи.

Каждую пятницу из Нью-Йорка от фруктового торговца прибывало пять ящиков апельсинов и лимонов, и каждый понедельник те же апельсины и лимоны покидали чёрный ход пирамидой обезжизненных половинок. На кухне стояла машина, способная выжать сок из двухсот апельсинов за полчаса, если дворецкий двести раз нажмёт большим пальцем на маленькую кнопку.

Не реже раза в две недели приезжал корпус поставщиков с несколькими сотнями футов парусины и таким количеством разноцветных лампочек, что огромный сад Гэтсби превращался в рождественскую ёлку. На буфетных столах, украшенных сверкающими закусками, пряные запечённые окорока теснились среди салатов арлекинской раскраски, пирожных поросят и индеек, заколдованных до тёмного золота. В главном зале устанавливали бар с настоящим медным поручнем и заполняли его джинами, ликёрами и такими давно позабытыми наливками, что большинство гостей были слишком молоды, чтобы отличить одну от другой.

К семи часам прибывает оркестр, и это не жидкая пятёрка музыкантов, а целая яма гобоев, тромбонов, саксофонов, виол, корнетов, флейт-пикколо, больших и малых барабанов. Последние купальщики вернулись с пляжа и одеваются наверху; машины из Нью-Йорка стоят на подъездной аллее в пять рядов, а залы, гостиные и веранды уже пестрят первичными цветами, диковинными стрижками и шаями, о которых и не мечтала Кастилия. Бар в полном разгаре, по саду плывут подносы с коктейлями, и воздух оживает от болтовни и смеха, от мимолётных намёков и знакомств, забытых тут же, и от восторженных встреч между женщинами, так и не узнавшими имён друг друга.

Огни становятся ярче, пока земля отваливается от солнца, и вот оркестр играет жёлтую коктейльную музыку, а опера голосов поднимается на тон выше. Смех с каждой минутой даётся легче, его расточительно проливают, выплёскивают по любому весёлому слову. Группы меняются всё быстрее, разбухают от новичков, распадаются и складываются в одном дыхании; уже появились бродяжки, уверенные в себе девицы, что снуют между людьми потолще и устойчивее, на резкий, радостный миг становятся центром компании и затем, опьянённые триумфом, скользят дальше сквозь морскую перемену лиц, голосов и красок под вечно меняющимся светом.

И вдруг одна из этих цыганок, в дрожащем опале, выхватывает коктейль из воздуха, опрокидывает его для храбрости и, двигая руками, как во Фриско, выплясывает в одиночестве на парусиновом помосте. Мгновенная тишина; дирижёр оркестра любезно меняет для неё ритм, и взрывается гомон: по саду разлетается ложная весть, что это дублёрша Гильды Грей из «Безумств». Вечеринка началась.

Полагаю, что в первый вечер у Гэтсби я был одним из немногих гостей, которых действительно пригласили. Людей не приглашали, они просто приходили. Они садились в автомобили, которые доставляли их на Лонг-Айленд, и как-то оказывались у двери Гэтсби. Там их представлял кто-нибудь из знакомых хозяина, а дальше они вели себя по правилам, принятым в

парке аттракционов. Иногда они приходили и уходили, так и не встретившись с Гэтсби, приходили ради праздника с простотой сердца, служившей им собственным билетом.

Меня же пригласили по-настоящему. Шофёр в униформе цвета яйца малиновки пересёк мою лужайку ранним субботним утром с удивительно церемонной запиской от своего нанимателя: Гэтсби сочтёт за величайшую честь, говорилось в ней, если я почту своим присутствием его «маленький вечер». Он несколько раз видел меня и давно собирался нанести визит, но странное стечение обстоятельств помешало, и подпись: Джей Гэтсби, величественным почерком.

Приодевшись в белые фланелевые брюки, я отправился на его лужайку чуть позже семи и бродил там, довольно неловко, среди водоворотов незнакомых людей, хотя то тут, то там мелькало лицо, замеченное мною в электричке. Меня сразу поразило обилие молодых англичан, рассыпанных по саду: все прекрасно одеты, все слегка голодны, все негромко и серьёзно беседуют с солидными и процветающими американцами. Я не сомневался, что они что-то продают: облигации, страховки или автомобили. Они по крайней мере мучительно сознавали близость лёгких денег и были убеждены, что те достанутся им за несколько слов, сказанных в нужной тональности.

Сразу по приходе я попытался отыскать хозяина, но двое-трое из тех, кого я спросил, уставились на меня так изумлённо и так яростно отрицали всякое знание о его перемещениях, что я улизнул в сторону коктейльного стола, единственного места в саду, где одинокий мужчина может задержаться, не выглядя бесцельным и покинутым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.